
Мария ЗАТОНСКАЯ

* * *

Я тебя люблю, моя маленькая жизнь.
Синева, синева, синева льется.
Птичьи гнезда — хрустящие деревянные солнца,
в солнцах птенцы:
дзинь-дзинь.

На кухне — споры о Солженицыне и литературной лжи,
отцовский самогон, философские мятежи.
Вместо барных полок — опустошаются книжные стеллажи.
Мы держим друг друга за плечи и округляем рты,
выдувая маленькие истины
из пустоты.

Люблю дерево. Его шершавость и чешую,
вечернюю оранжевость дня, балансирующего на краю
горизонта, и неглубокого озера сонное дно.
И всхлип, который издает вода, когда тыходишь в нее за мной.
И всплеск, когда начинаешь грести.

За этот неумолкающий барабан в груди,
за любовь ко всему и к единственному среди.

ПЛАЦКАРТА

Это плацкарт, детка. Здесь вся суть земли Русской
переливается от уст к устам песней грустной.
И в стойком запахе перегара, пота
не разберешь, интеллигент, пьяница — кто там.
Вечная песня — раздольная и тягучая:
О том, кому на Руси жить лучше и
как помогает пятничная попойка —
от всей души расскажут на нижней койке.
Это барак, детка. Сюда не прийти — а броситься,
залечь и забыть расписание и маршруты.
И если напьешься или устанешь до смерти —
только тогда
хотя бы вырубисься тут ты

Мария Затонская родилась в городе Сарове в 1991 году. Публиковалась в журналах «Белая скала» и «Арион», в сборниках и альманахах «Золотая кисть. Золотое перо. 2012», «Академия поэзии 2013», «Нарисуй картину словами» (2014) и других. Обладатель Национальной литературной премии и звания «Золотое перо Руси-2017» в номинации «Поэзия». Участник XVIII Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (2018).

и до утра доживешь — на взмокшей, смятой постели.
А если бы кто-то заживо сгнил — на деле
вокруг продолжали б (не зря говорят: «Хоть тресни»)
лихие люди петь свои странные песни.

* * *

Говори, говори — слова бурят изнутри
дыру в голове — обнажают черепную кость,
и будет тогда в мою кроличью нору
стекать — кисель космоса, ягоды звезд,
и будут потом виснуть гроздьями с лоз,
звездная залежь космических гнезд.
Пока я молчу, голова — тюрьма.
Зима.

Тени ворон гаркают на кресте
на лунный обмылок, плавающий в черноте.
Хрущевки и сталинки,
следы, вмерзающие в керамику, —
хруст вязнувшего в снегу валенка.
Запах водки от пэтэушника,
петляющего между бараками.
Это все тоже оттуда, из звезд, из гнезд —
просто пока не нашедшее
голов,
ртов
и пока
не ставшее ягодами
стихов.

* * *

Отсутствие все же масштабнее существования;
существование — втиснуто в функцию, форму, название,
его пощупать, измерить можно и
дальше по списку — все как положено.
Отсутствие же неисчислимо, и это «не»,
никогда не знавшее выражения, —
легкой тенью скользящее по стене,
кольшется занавесками — за мгновение
до того,
как в раскрытые окна ворвется сквозняк...

Мнешься в прихожей в тупом ожидании стука.

И полная тишина есть не что иное, как
возведенное в абсолют отсутствие звука.

* * *

Э. Арсеньевой

Занавес. Извините, вы просыпали четки-строчки.
Вам помочь? простите, понимаю, сами, сами.
После спектакля на сцене прибираются рабочие
и находят бусины, исполненные стихами.
В примерке вазочка уже почти полная,
досыпала горстку бусин. Каждая — эхом в судьбе.
Бегу, стучу в двери: — Еще потеряли! — взволнованно.
Открывает: — Не нужно, деточка, у меня много, оставь себе.

* * *

Пора возвращаться к реальной жизни, дружище,
а то совсем уж высох весь и продрог.
Зачем ты мотаешься, по сусекам рыщешь
в надежде, что наберется на колобок —
взбалмошный чудо-шарик, размером с блюдце
(в сказке слепился, ожил и в лес свинтил).
У тебя нет печи, да и с мукой — не густо.
Плюс ты герой не сказочный, как ни крути.
Пора мыслить здраво — само ведь не рассосется,
валять дурака до старости — не вариант.
Я не прошу тебя сделаться тихим, постным.
Но ты в этой жизни не больше чем
эмигрант.
Пальцами шелкнешь — и кончится все, до ужина.
Ты преходящий, как я или кто-то тут же, но —
все не беда.
Будет еще заход.

И рот твой, кричащий на греческом или санскрите.
Твой первобытный жар и страх первобытный —
от Адама и Евы, вкусивших свой первый плод.
Все возвращается, время и персонажи.
Ты был здесь раньше, как я или кто-то — также.
Ты ночевал в фургоне, крутил косяк.
И ты все вспомнишь: худую лачужку, берег,
гул тишины, вливающийся в череп.

И вспарывающий ночь
маяк.

СОН КОМНАТЫ **(У картины «Спальня в Арле»)**

Видишь, она на тебя из холста растет —
спинка кровати, выпучивается, как живот.
Маленький подголовник внутри — костями
льнет к углу голубой стены.
Видишь, он к тебе тянется — этот пол,
подползает рыхлыми досками, и уже почти
встал под твоим ботинком, говорит, мол,
иди.
Стул неприметный, скукоженный у окна —
на нем сидит сон Ван Гога, пока он сам
снится комнате — и насовсем
остается среди этих неровных стен.
В синеве,
из истертых дверей переходящей прямо
в желтизну звезд,
разлитую в рамах.

СОГЛАСИЕ

1.

Заполняю «Согласие застрахованного лица»
о передаче сумм в случае непреднамеренного конца,
думаю, мама будет рыдать, ей нужно больше оставить,
муж будет рыдать, пусть купит себе коньяк подороже,
пусть вместе напьются, и будут кричать «Аве
Мария», и набьют рожу
жирному, бритому наголо
соседу,
постоянно орущему, что мы топаем ему на голову
с потолка, с которого падает штукатурный снег.
Снег все еще падает,
а человека нет.

2.

Нет человека — ну, ничего интересного.
Но каждый раз дочитывая что-нибудь из Достоевского,
хочется продолжения, хотя герои уже
сделали все, что должны были. И в стеллаже
много такого разложено,
но каждый раз это по-новому сложно.

Дедушка — был, прабабушка тоже — была, и
вещами отжившими полнится кладовая.
Вот и памяти кладовая полна всякого барахла,
может, за тем и я есть, буду и — была.

И мне бы только принять этот факт:
жизнь продолжится —
эдак ли, или так.

НА ВЫРОСТ

Мне дарят книги на вырост (Хемингуэя, Ошо).
Бабушка покупает новые спицы:
вяжет братишке свитер на пару размеров больше —
ему пригодится,
он вытянется, проступят скулы из пухлых щек.
А я уже взрослая и не знаю, вырасту ли еще.